

А.М. Вишнякова*

**«РЕАБИЛИТАЦИЯ» СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ
В ИСТОРИОГРАФИИ 90-Х – НАЧАЛА ХХІ ВЕКА**

Последние 10-20 лет принесли с собой настоящий взрыв интереса широкой общественности к фигуре одного из крупнейших реформаторов императорской России¹. О ее результатах можно услышать весьма противоречивые заключения. Чаще всего писали и пишут, что она потерпела крах. Противоположные отзывы появляются в годы перестройки: от выделения отдельных положительных результатов до полной идеализации реформы.

Библиография работ о Столыпине стала стремительно пополняться новыми документальными публикациями, биографическими очерками, научными и околонучными исследованиями и даже романами и повестями. На смену старому, советскому образу Столыпина-реакционера и «вешателя» пришел новый, посткоммунистический Столыпин: умный, образованный, волевой, дальновидный, энергичный, прекрасный администратор и организатор, яркий оратор, образцовый семьянин. Трагическая смерть министра от рук еврея-террориста и предшествовавшее этому явное охлаждение к Столыпину Николая II еще более усилили симпатии значительной части россиян к личности знаменитого реформатора.

Споры вокруг реформ и личности П.А. Столыпина в 90-х годах по большей части были вызваны коренным переустройством всего российского общества, когда переход к частной единоличной собственности вновь обрел актуальность. В этих работах община начала XX века очень часто становилась «прародительницей» будущих колхозов и даже приравнивалась к ним. Таким образом, дискуссии о необходимости существования общины приобретали современный характер.

Начало «перестройки» повлекло за собой появление многочисленных статей о П.А. Столыпине в журналах «Слово», «Новое время», «Степные просторы», «Литературная Россия», «Свободная мысль», «Вопросы экономики». В большинстве этих статей П.А. Столыпин рассматривается как один из ведущих государственных деятелей России, а также приводятся многочисленные доводы, которые должны, по мнению авторов, свидетельствовать об успехах его преобразований.

В 1990 году в журнале «Вопросы экономики» были опубликованы две статьи кандидатов экономических наук А. Глаголева «Формирование экономической концепции П.А. Столыпина (1885-1905гг.)»² и М. Румянцева «Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи, итоги»³. Цель обеих статей восполнить пробел, существующий к тому моменту в анализе экономического аспекта реформ Столыпина, поскольку большинство работ последних лет носило обобщенный характер. Оба автора статей, опубликованных в 1990 году,

* аспирант кафедры российской истории СамГУ.

многократно подчеркивают, насколько актуальна аграрная реформа Столыпина. Они проводят параллель не только между общиной начала XX века и колхозами в советский период, но и сопоставляют политическое положение России накануне первой мировой войны и на этапе «перестройки».

В том же ключе написана статья С. Королева-Пиняшина, опубликованная в журнале «Россия молодая»⁴. Автор рассматривает два феномена, которые стали результатом столыпинской реформы. В первом случае крестьяне, перешедшие на фермерский тип хозяйства, смогли стать монополистами на Волоколамском рынке льна, вытеснив западных предпринимателей. Во втором случае хуторяне воспользовались крайне выгодной конъюнктурой для развития экспортного маслоделия в Западной Сибири. Основываясь на исследовании этих частных вопросов, Королев-Пиняшин делает вывод, что «столыпинская Россия» жива до сих пор и это является самым лучшим доказательством правильного направления аграрной реформы.

Появились и работы историков, представивших материалы о положительных сторонах реформы, которые ранее не исследовались, даже замалчивались, отметивших политизированность ленинских положений и оценок, господствовавших в советской историографии.

В период перестройки исследованием столыпинской аграрной реформы успешно занимался П.Н. Зырянов. В своей работе «П.А. Столыпин»⁵ он обращает внимание, что в самой аграрной реформе было много надуманного, доктринерского. Абстрактность замысла столыпинской реформы в значительной степени, по мнению Зырянова, объясняется тем, что ее сочиняли люди, неважно знавшие русскую деревню. За два года пребывания в Саратове Столыпин, конечно, не мог узнать ее достаточно глубоко. Зырянов приходит к выводу, что в рамках общины, укрепление земли отдельными домохозяевами фактически приводило не к насаждению частной собственности на землю, а только к образованию беспредельных общин по образцу тех, которые владели землей по ревизским или «старым» душам. Большинство выходцев из общины составляла беднота, еще не потерявшая надежды поправить свое хозяйство и лихорадочно изыскивавшая к тому способы, а также городские жители различных классов, окончательно рвавшие связи с деревней. Что касается широкого участия в столыпинской реформе богатого крестьянства, то, по видимому, это легенда, которая застилала глаза сначала самому Столыпину, а потом и историкам.

Над изучением столыпинской реформы продолжает работать в 90-е годы А.М. Анфимов. Апеллируя к статистическим данным, он доказывает, что реформы Столыпина не достигли своей цели: хуторские хозяйства не смогли стать основой российской экономики, а, значит, не им обязана Россия своими успехами на мировом рынке в 1909-1913 гг. Анфимов обращает внимание на то, что на 1 января 1915 года единоличные хозяйства составляли чуть более 10% от всех дворов (14,6 млн.), то есть несравнимо малую часть. Экономические достижения, к которым часто обращаются авторы статей, чтобы проиллюстрировать успешность столыпинского курса, по мнению Анфимова оказываются эфемерными. «Вывоз хлеба из России был огромен. Однако за счет чего это достигалось? Оказывается за счет форсированного уменьшения

запасов хлеба внутри страны»⁶. Исследователь развенчивает еще одно клише, которое стало ходовым в перестроечный период. Оно касается объемов помощи государства крестьянам, выделившимся на хутора и отруба. «Большинство образованных Столыпиным единоличных хозяйств было обречено, они были брошены государством, предоставлены сами себе... Нельзя же считать реальной помощью сумму в 32 млн. руб., предложенную в качестве ссуды шестой части хуторян»⁷.

На современном этапе серьезное исследование историографии аграрной реформы Столыпина было проделано В.Г. Тюкавкиным. В своей работе «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа»⁸ он развенчивает ряд стереотипов, которые сложились под влиянием ленинских положений и всей советской историографии. Прежде всего, опровержению подверглось утверждение, что столыпинская реформа была вызвана революцией. Тюкавкин доказывает, что в действительности все мероприятия реформы были обсуждены, подготовлены и даже одобрены в «верхах» еще до революции 1905 года и даже до известных массовых выступлений крестьянства в 1902 году. Переход к практической подготовке новой аграрной политики — издание двух указов царя (о создании Межведомственной комиссии министра внутренних дел Д. Силягина и Особого совещания С.Ю. Витте) — произошел в начале января, а крестьяне поднялись на борьбу в начале марта в Полтавской губернии.

Второй тезис, который также подвергся критике Тюкавкина, заключался в том, что якобы целью Столыпина и правительства было разрушение всех общин. Мы можем встретить такое утверждение и у А.М. Анфимова, и уже в годы перестройки у П.Н. Зырянова. Тюкавкин считает, что данная постановка вопроса неверна в самой своей основе: авторы аграрной реформы не ставили никогда цели добиться выхода всех крестьян из общин. «Общая цель реформы, по мысли Гурко, Кривошеина, Столыпина и других, заключалась в создании слоя зажиточных хозяйств, которые были бы образцом и постепенно способствовали выходу других крестьян. Знакомство с речами Столыпина в Думе показывает, что его правительство даже считало возможным сохранить часть общин в неприкосновенности. Слой зажиточных крестьян, конечно, не мог включать всех домохозяев. Третьи стереотипом, сложившимся в ходе исследования аграрной реформы, Тюкавкин считал тезис о том, что реформу проводили насильственно, принуждали крестьян осуществлять всегда полицейский нажим на общины. «...случаи насилия действительно были. Вопрос лишь в том, что недостаточно отмечено соотношение добровольных и насильственных выходов, и не доказано законодательное закрепление насилия. Но тот факт, что более 3 млн. домохозяев подали заявления о выходе их общин, а более 6 млн. — о проведении землеустройства — это весомое доказательство добровольности основной крестьянской массы в стремлении выйти из общины, укрепить свой надел в собственность или провести землеустройство. Такое количество заявлений невозможно было «выбить» под нажимом»⁹.

Тема «Столыпин-реформатор» освещалась в монографии И.В. Островского¹⁰. Автор исследования отмечает ряд противоречий, заложенных в самой

аграрной реформе. Многие современники Столыпина и сегодняшние историки и не-историки воспринимали и воспринимают премьер-министра как сторонника укрепления империи. Для такой оценки есть основания. Столыпин не просто стремился создать себе имидж хранителя имперских традиций, - он искренне верил в то, что призван историей для спасения монархии, а с нею и имперского государства. Но если его программа была, в самом деле, нацелена на появление свободных, ответственных граждан, то она угрожала всевластию военно-бюрократического слоя, то есть самому существованию самодержавной империи. Между тем Столыпин собирался реализовать свою программу, опираясь на бюрократию.

Второе противоречие аграрной политики П.А. Столыпина сводилось к тому, что он пытался создать правовое цивилизованное государство, не имея при этом достаточно многочисленного культурного слоя населения. С другой стороны, невозможно создать такой слой без правового государства.

Наконец, масштабность программы Столыпина усиливала его стратегические позиции и ослабляла тактические. Больше реформ приводили к большому сопротивлению консерваторов и уменьшению возможностей для маневра. Правые круги провалили реформу, имевшую в виду введение волостного земского самоуправления, а с ней вместе под угрозой оказались аграрные преобразования, да и весь реформаторский курс премьера.

Итак, на современном этапе развития российской исторической науки вышло несколько фундаментальных работ по историографии аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина. Наличие документов по аграрной реформе позволяет провести ее качественный анализ и сделать в основном правильные выводы. В настоящее время многие историки сходятся на том, что нельзя говорить о крахе аграрной реформы, так как она не продлилась и десяти лет. Таким образом, история отвела слишком мало времени, чтобы можно было с уверенностью оценить правильность или неправильность курса Столыпина.

Примечания

¹ Тютюкин, С.В. Критика книги Г.П. Сидоровнина «П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862-1911)» // Отечественная история. 2002. №4.

² Глаголев, А. Формирование экономической концепции П.А. Столыпина (1885-1905 гг.) // Вопросы экономики. 1990. - №10.

³ Румянцев, М. Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи, итоги // Вопросы экономики. 1990. - №10.

⁴ Королев-Пиняшин, С. Правое дело Столыпина // Россия молодая. 1993. - №2.

⁵ Зырянов, П.Н. П.А. Столыпин. // Вопросы истории. 1990. №6.

⁶ Анфимов, А.М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. - №4. С. 117.

⁷ Там же. С. 119-120.

⁸ Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. - М.: Памятники исторической мысли. - 2001.

⁹ Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. - С. 155.

¹⁰ Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. - М.: Высшая школа. - 1992.